

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

1905 ГОД

СОСТАВИТЕЛЬ АЛЕКСАНДР КОЛПАКИДИ

ПОЧЕМУ НИКОЛАЙ II ДОПУСТИЛ РЕВОЛЮЦИЮ 1905 ГОДА?

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОДИНА
2025

УДК 929Романовы
ББК 63.3(2)532
П65

П65 Почему Николай II допустил революцию 1905 года? / сост. А. Колпакиди. – М.: Родина, 2025. – 222 с.: илл. – (Русская история).

ISBN 978-5-00222-820-1

120 лет назад Россию сотрясала революция 1905 года. Кровавое воскресенье, восстание на «Потемкине», крестьянские мятежи, наконец, баррикадные бои в Москве. Почему империя Николая II, внешне представлявшаяся мощной, в тот год оказалась на грани гибели, а идеи социализма получали все большую популярность в народной среде? Почему Российская империя оказалась «колоссом на глиняных ногах»? Революция не одержала тогда победу, но она вскрыла изъяны существовавшей системы, и поражение социалистов оказалось временным. В этой книге на все актуальные вопросы, связанные с революцией 1905 года, отвечают историки разных эпох – и наши современники, и современники тех событий. Книга предназначена для всех, кто хотел бы разобраться в самых острых вопросах истории России XX века.

УДК 929Романовы'
ББК 63.3(2)532

ISBN 978-5-00222-820-1

© ООО «Издательство Родина», 2025

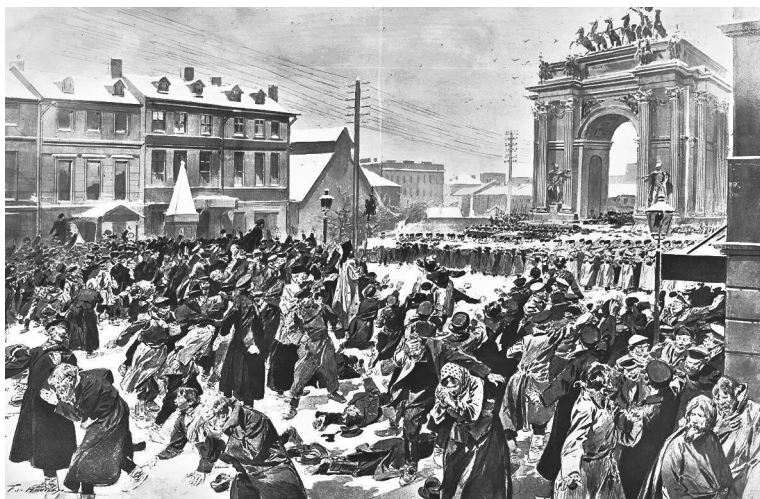
СОДЕРЖАНИЕ

Михаил Покровский. О ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	6
Павел Засодимский. О КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЛНЕНИЯХ В 1905–1906 ГОДАХ	63
Максим Горький. ПИСЬМО ЕКАТЕРИНЕ ПЕШКОВОЙ .	79
Григорий Гапон. ПИСЬМО К НИКОЛАЮ РОМАНОВУ, БЫВШЕМУ ЦАРЮ И ДУШЕГУБЦУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	84
Сергей Костриков. В.И. ЛЕНИН О ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	87
Юрий Емельянов. АНТИСОВЕТСКИЕ БАЙКИ	96
КОРАБЛЬ РЕВОЛЮЦИИ	108
Кирик Левин. ВООРУЖЁННОЕ ВОССТАНИЕ В МОСКВЕ. (ДНИ 7–19 ДЕКАБРЯ 1905 ГОДА.) ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА	117
Павел Першин. КРЕСТЬЯНСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ 1905 ГОДА	157
Лев Троцкий. ИТОГИ 1905 ГОДА	193
Вячеслав Силеенков. ЛЕНИН О РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА	212

Михаил Покровский.

О ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Рабочий класс начал русскую революцию. Он первый решился дать сражение царизму — и первое сражение проиграл. По существу дела это был проигрыш не одного класса, а всей революции, потому что других организованных революционных сил в России 1905 г. не было. Революцию же неорганизованную правительство, поскольку его собственная организация уцелела, всегда могло подавить. Это особенно ясно нам теперь, при свете, например, германской революции. На ее примере мы видим, как отсутствие в стране сильной, сплоченной революционной партии, какой явилась у нас

Начало Первой русской революции

в 1917 г. партия большевиков, срывает революцию и обеспечивает победу ее противникам. Но в 1905 г. у нас многие переоценивали значение стихийности в революции. С этим и связаны были надежды, которые многими возлагались на крестьянство.

То, что происходило в деревне с осени 1905 г., казалось, надежды это оправдывало. Мы видели, что именно деревенское движение было главным, что поддерживало панику правительства, после того как рабочее движение в Петербурге пошло на убыль. Теперь, после декабря, на него же возлагались главные надежды революционеров. Первое выступление рабочих отбито, — думали они, — но когда выступит деревня, на фоне ее восстания рабочая революция будет непобедима.

Присмотревшись ближе и вспомнив прошлое, мы могли бы более трезво отнестись к деревенскому восстанию. Прежде всего мы увидели бы, что движение пролетариата было не только рабочее, но еще и типично городское, что это было, конечно, движение пролетариата вообще, но главным образом движение рабочих крупнокапиталистических предприятий. В то время как процент стачек по отношению к общему числу предприятий для мелких фабрик — до 20 рабочих — составлял 47, другими словами, не все мелкие фабрики бастовали даже в 1905 г., — процент стачек по отношению к числу предприятий с числом рабочих от 600 до 1000 составлял уже 163,8: каждая крупная фабрика бастовала более одного раза; а для предприятий-гигантов, с числом рабочих более 1000, этот процент равнялся 231,9: каждая из крупнейших фабрик бастовала более двух раз. Сравнение числа стачек в городе и деревне позволяет прибавить еще одну подробность. Хотя

вне городов расположена большая половина русских промышленных предприятий (около 60 %), число деревенских стачек было всегда меньше числа городских. Но в предшествующее революции десятилетие, когда движение было главным образом экономическим, стачки вне городов давали все же почти четверть общего числа: за десятилетие 1895–1904 гг. 24,8 % всех стачек происходили на предприятиях, находившихся в деревне. Но во время политического движения 1905 г. «деревенские» забастовки упали до 15,7 %. Итак, во-первых, производство было чем мельче, тем менее революционно; во-вторых, деревня — даже в лице ее пролетариата — была настроена еще более «экономистски», чем город, тогда как и город, мы видели, был еще, в лице своих широких слоев, в достаточной степени «экономистом».

Довести движение успешно до конца мог только город. Деревня могла ему в этом помочь, — без ее помощи победа и не могла быть одержана, — но заменить город деревня ни в каком случае не могла. 1917 г. в этом отношении целиком подтвердил опыт 1905 г.; первые победы революция одерживала в крупных центрах — Ленинграде (Петербурге), Москве; лишь из них революция захватывала деревню. То, что царская власть удержалась в Петербурге и Москве в 1905 г., это и означало ее победу, как потеря Петербурга и Москвы в феврале-марте 1917 г. означала ее поражение. В 1905 г. вопрос о возобновлении революции и был вопросом о воскрешении революции городской; поскольку последнее было невозможно, революция должна была идти на убыль.

Представление о стихийности деревенского движения было ошибкой не только некоторой части большевиков,

но и — еще больше — легендой, усиленно распространявшейся меньшевиками и эсерами. Не владея по-настоящему городом, кроме Петербурга, меньшевики нигде не имели сколько-нибудь серьезного влияния на рабочее движение, ни в одном крупном центре, а роль эсеров в этом движении была совсем второстепенной — и те, и другие по-своему эксплуатировали деревню. Эсеры думали на нее опереться как на главную революционную силу; меньшевики видели в деревне силу контрреволюционную, тянувшую революцию назад и книзу: крестьянская стихия могла только испортить революцию — и испортила, а большевики в этой крестьянской стихии видят союзника рабочего класса.

Непосредственное знакомство с фактами деревенского движения, долгое время известными нам только в меньшевистско-эсеровской окраске, показало, что большевики были правы не только тактически, — что именно в союзе с крестьянством и нужно было вести революцию, — но и исторически: что именно так революция и шла. Выключая случаи — довольно редкие, — когда организаторами деревенского движения являлись деревенские демократы в лице зажиточного крестьянства, это движение толкалось вперед именно рабочим движением.

Уже один из прокуроров в 1902 г. (см. гл. III «Начало массового движения в деревне») отмечал влияние на харьковско-полтавские «беспорядки» промышленного кризиса, выгнавшего с фабрик и заводов обратно в деревню множество рабочих из крестьян. В 1905 г. эта обратная тяга из города в деревню усилилась в десятки раз и в десятки раз больше повлияла на крестьянское движение.

Просматривая одно за другим полицейские донесения, мы видим, что «стихийные» выступления крестьян были подчас недурно организованы: по набату быстро собиралась толпа, не теряя времени, почти с механической точностью, громила, развозила и разносила имущество; когда появлялись стражники или казаки — все было кончено. Кто все это организовал? Этого не могла не заметить даже полиция. «Движение несомненно руководится извне, весьма скрыто и умело, — писал курский губернатор Борзенко, — крестьяне тщательно скрывают своих вожakov». Объяснение о «стихийности» крестьянской революции 1905 г. не лучше разговоров о стихийности «бессмысленного» пугачевского бунта. Там, мы знаем, организаторы были в лице главным образом дворовых людей — этой по преимуществу промышленной, ремесленной ячейки крепостной деревни. Кто сменил этих первобытных агитаторов через сто тридцать лет?

Сначала мы слышим только эхо этой новой силы. В Рязанской губернии, по словам ее тогдашнего начальства, источником волнений были между прочим «слухи, приносимые однодеревенцами, приходящими из городов и в особенности из фабричных районов». В Львовском уезде Курской губернии «стало замечаться брожение, вызванное тревожными событиями в С.-Петербурге и забастовками рабочих во многих городах империи». Это было еще весною 1905 г. В то же время и в Воронежской губернии «толки и нервное настроение среди крестьян» вызывали «сведения о рабочем движении в Петербурге и других местностях». (Ср. донесение екатеринославского губернатора: «Несомненно, стачки рабочих на железных дорогах и заводах отражаются на крестьянах».) 9 января всколыхнуло не только город и промышленные районы — его толчок почувствовали и в черноземной глуши.